



МИХАИЛ БАРЩЕВСКИЙ

ПРАВДА О ЛЖИ

Знаете ли вы
того, кого любите?

18+

Михаил Барщевский

Правда о лжи

Серия «Михаил Барщевский. Проза»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69974578

Правда о лжи: роман / Михаил Барщевский: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-195604-2

Аннотация

Рано оставшись без родителей, Елена выбирает в мужа мужчину гораздо старше себя. Артур, в прошлом известный писатель, теперь невестребован, ведет уединенный образ жизни на даче, не хочет детей.

Елене ничего не остается, как посвятить себя работе. И ее усилия оправдываются: она стремительно поднимается по карьерной лестнице большого бизнеса и обращает на себя внимание обоих руководителей холдинга.

Один влюбляется в нее. В другого – она сама. Ради новых отношений Елена идет на риск и расстается с мужем. Чем еще придется рискнуть во имя счастья? И не помешает ли счастью Елены криминальное прошлое возлюбленного?

Содержание

Небольшой академгородок. Ярославская область. 1995 год	6
Лето 2017 года. Москва	21
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Михаил Барщевский

Правда о лжи

© Барщевский М., 2024

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Солнце в тот день стояло высоко. Его лучи золотили высокие треугольники гор, отчего трава на склонах искрилась, словно была покрыта изумрудной краской. Местные мальчишки звонко гоняли мяч, матери звали их обедать, собаки, увлеченно исполняя роли болельщиков, обеспечивали шумовое сопровождение футбольного матча. Обычный беззаботный деревенский день.

Со стороны Красной Поляны раздался вертолетный стрекот, из-за склона показалась белоснежная винтокрылая машина. Вертолет летел так низко, что дети, дурачась, показывали ему фиги, махали, а некоторые, особо резвые пацаны, подпрыгивали, как будто стараясь дотянуться до гигантской «стрекозы». Ветер от вертолетных винтов приминал высокие горные травы, низкий кустарник и растущие повсюду ярко-красные маки. Дети, задрав головы, провожали вертолет взглядами. Он почти скрылся за соседним склоном, когда вдруг резко спикировал, врезался в землю, подняв столп пыли. Языки пламени взмыли вверх, куски обшивки, пропеллера, детали корпуса разлетелись во все стороны. Через несколько секунд до ребятни докатился и звук взрыва.

Раздался испуганный детский вопль. Из домов высыпали женщины и мужчины.

Через час район взрыва был оцеплен – по периметру выставили колышки с натянутыми красно-белыми лентами.

«Скорая помощь» все еще стояла на обочине дороги, хотя уже давно стало ясно, что никому она здесь не пригодится. Человек десять в жилетках с пугающей надписью «ФСБ» проходили метр за метром оцепленную территорию, собирая какие-то мелкие детали, обломки, клочки бумаги, и складывали все это в целлофановые пакеты. Чуть в стороне лежали три черных пластиковых мешка. Все зеваки понимали: трупы.

Деревенские жители не расходились, мужики стояли у околицы, тихо переговаривались: мол, участковый Васька сказал, что взорвался вертолет из президентского отряда, да вроде нет, такого не может быть, хотя может, такие белоснежные часто пролетают, когда в Ручье переговоры, но их всегда сопровождают военные вертушки, а этот был один.

Через час-полтора после инцидента в новостях прошла информация, что в окрестностях Красной Поляны потерпел крушение вертолет, на борту которого помимо двух членов экипажа находился президент крупнейшего финансово-промышленного холдинга «Бегемот» и одноименного банка – Глеб Георгиевич Игнатов, один из богатейших людей России. На месте аварии обнаружены три обгоревших трупа, работает следственный комитет.

Небольшой академгородок. Ярославская область. 1995 год

Зима в тот год была лютая. Морозы трещали, словно дрова в костре. Снежные шапки покрывали деревья полуметровым слоем.

На стареньких скрипучих качелях сидела Ольга, Петр раскачивал ее. Ольга смеялась:

– Петь, давай еще выше!

Петр с умилением смотрел на девушку, не переставая улыбаться счастливой детской улыбкой. Он просто млел от ее смеха, голоса, сияющих глаз под светлой челкой, которая задорно выбивалась из-под вязаной розовой шапки.

– Да куда же еще выше, бесстрашная ты какая, Олька! Слезай давай. Холодно.

– Крылатые качели летят, летят, летят, – напевала девушка.

Рядом на скамейке курил Глеб. Петр отпустил качели, подошел к нему:

– Глеб, тебе письмо с географического пришло?

– Да, вчера. В апреле у них День открытых дверей. Надо ехать. Но ехать не на что, денег совсем нет. Отцу и матери зарплату за последние три месяца выдали ватманом в рулоне. Охренели! Говорят, закроют скоро наш родной НИИ.

Петр вздохнул:

– Да, я это тоже слышал.

Глеб закурил вторую сигарету:

– Брошу завтра, – он задумчиво посмотрел на пачку, – бабла много курево сжирает. – Глеб помолчал, потом добавил: – Говорят, Зураб открывает казино в Доме культуры. Мать хочет туда посудомойкой. А ей нельзя с паром. У нее астма. Да и вообще. Не допущу, чтоб моя мать котлы мыла за всякими... Кандидат наук моет котлы! Приехали. Доперестраивались.

– А ты откуда про Зураба знаешь? – осторожно поинтересовался Петр.

– Слышал... – Глеб глубоко затянулся и бросил окуроч в снег.

К ребятам подошла Ольга и по-хозяйски засунула замерзшие руки в карманы пальто Петра. Петр поцеловал ее в нос.

– Озябла совсем. Говорю, не сиди на холодном. Да и домой тебе уже пора, давай мы тебя проводим.

Петр и Глеб встали со скамейки, подхватили девушку с обеих сторон и пошли в сторону мрачных пятиэтажек. Оля, смеясь, поджала ноги и стала раскачиваться на крепких мужских руках, как на качелях.

Молодость брала свое...

– Петь, Ольку проводим, давай потом ко мне. Батя опять, видать, нажрется, на лестнице упадет, поможешь мне его до-

тащить.

– Так он же в завязке был, – удивился Петр.

– Да сколько он там был-то? Недели две. Опять сорвался.

Ольга внимательно посмотрела на Глеба, выпрямила согнутые ноги, моментально посерьезнела.

– Да, тяжело дяде Гоше. Всю жизнь посвятил науке, главный инженер НИИ был, переживает после сокращения.

– А твои-то как? – поинтересовался Глеб. – Занялись чем-то дельным?

– Ну, думаю, да. Мои предки молоды душой. Хотят осветить весь мир. Открыли ООО, общество с очень ограниченной ответственностью, поскольку отвечать нечем. Завтра подписывают контракт с китайцами. Первую поставку фейерверков ждут на следующей неделе. – Ольга явно гордилась своими родителями.

– Твои молодцы, перестроились. В хорошем смысле этого слова. Быстро адаптировались. Трудно, правда, начать свой бизнес. Фейерверки – продукт специфический. Тут разбираться надо. С кондачка не подойти. – Глеб достал пачку сигарет из кармана, посмотрел на нее, положил обратно.

Петр открыл перед Ольгой дверь подъезда. Она обернулась, посмотрела на Глеба:

– Пока, Глеб.

Глеб молча помахал. Петр и Ольга скрылись в подъезде.

На лестничной площадке Петр нежно поцеловал свою любимую.

– Приходи ко мне завтра, предки уйдут с самого утра. – Петр настойчиво раскрывал полы пальто Ольги.

Ольга отстранилась, чмокнула юношу в нос, достала ключи из кармана, открыла дверь, обернулась, послала Петру воздушный поцелуй и скрылась в квартире.

Глеб ждал друга у подъезда.

– Красивая она у тебя. И предки оказались смышлеными, так быстро снюхались с китайцами, бизнес по фейерверкам замутили.

– Да, они молодцы. Олькин отец обещал после свадьбы меня в долю взять, – произнес Петр с гордостью.

– А ты потянешь?

– Да я вроде бы все просчитал, бизнес может прибыльным оказаться. А Олькин отец хоть и хорохорится, но один в таком деле не сдюжит. Ну а мать – она же женщина. В бизнесе человек бесполезный, – Петр на секунду задумался, – я так думаю.

Глеб помолчал. Закурил.

– А ты потянешь, что ль?

– И я не потяну. Я тебя возьму в долю. Без тебя никуда. Ты будешь осваивать новые рынки, а я прибыль считать. – Петр похлопал друга по плечу.

– Прибыль прибылью, но держать на территории Зураба бизнес – это стремная история. Помнишь поджоги осенью? С Зурабом надо в долю входить. Он крышует хорошо. Если правильно с ним договориться.

– Да боюсь я Зураба. Говорят, он зверюга. И руки по локоть в крови.

– А ты не бойсь. Со мной не страшно. И с Зурабом можно договориться. Если очень нужно.

– А ты откуда знаешь?

Глеб помолчал.

– А я все знаю. Хочешь жить – умей вертеться. – Он нахмурился.

– А я думал, хочешь жить – умей считать, – улыбнулся Петр.

– Это когда есть что считать. Пока у нас с тобой считать нечего. Но я все придумаю. И никакие Зурабы нам не будут страшны. Я тебя всегда защищал. Помнишь, как тебя в детстве дразнили очкариком?

Петр снял свои роговые очки, протер их.

– Да как это забудешь... Ты даже додумался до того, чтоб Мишкину кошку повесить на устрашение. – Петру явно не нравились эти воспоминания.

– И правильно сделал. Зато весь двор боялся подойти к тебе. За версту обходили. Так что, брат, вместе мы сила! – Глеб по-дружески толкнул Петра в плечо.

Мать Глеба Елизавета Юрьевна хлопотала на кухне.

– Мам, а папа-то где? – поинтересовался Глеб.

Елизавета Юрьевна обернулась, обрадовалась:

– Глебушка, Петенька, проходите скорее, у меня и карто-

шечка сейчас дожарится, и оладушки. Котлеты вот даже.

– Котлеты? А мясо откуда? – по-хозяйски, деловито поинтересовался Глеб.

– Да какое мясо по нынешним временам? Котлетки кручу из картошки да морковки. Вон яйца сегодня давали по талонам. Два часа на морозе стояла за десятком. Зато теперь шикуем!

– Мам, все-таки где папа? – повторил Глеб.

– Сынок, да сама волнуюсь. Он как с утра ушел, так и не возвращался. На рынке его видели. Говорят, с медалями деда стоял.

Глеб резко обернулся:

– Как с медалями? Я же запретил ему притрагиваться к орденам деда.

– Да кого он слушает-то! А уж тебя подавно. Ты для него еще маленький сыночек. Он считает, что обязан тебя обеспечивать.

– Обеспечивать?! Продаст, чекушку купит там же на базаре, – окрысился Глеб.

Елизавета бросила котлеты, села на стул, устало закрыла лицо руками. Плечи ее начали подергиваться.

– Мам, ну мам, ну прекрати.

– Больно мне видеть, как он спивается. Ну вот где он сейчас? Мороз-то какой на улице. Знаешь что... пойди поищи отца. Он же сейчас как ребенок малый. Растерянный, не нужный никому. Только мы у него и остались. – Голос Ели-

заветы Юрьевны дрожал.

– Да пойду, пойду, найду его. Успокойся уже.

В коридоре у двери стоял Петр. Он слышал разговор.

– Петь, батя у меня пропал, на рынке днем еще видели. А сейчас 10 вечера уже. Пойдем поищем. Варезки держи. Мороз.

– Разумеется, пойдем, – с готовностью в голосе решительно отреагировал друг.

На улице завывала метель. Глеб и Петр продирались сквозь плотную снежную пелену темного города.

– Папа! Папа! – звал Глеб.

– Дядь Гош! Дядь Гош! – кричал Петр.

Глеб периодически останавливался, подносил замерзшие ладони ко рту, пытался согреть их дыханием. Заглядывали в подъезды домов: вдруг он там, да заодно хоть чуть-чуть и самим погреться. Так прошло часа два. Отца нигде не было.

– Глеб, уже долго ходим. Весь район обошли. Брат, какие еще варианты? – Петр, при его субтильном телосложении, уже изнемогал от усталости и холода.

– Давай к НИИ дернем, – предложил Глеб без особой надежды в голосе.

– Так закрыто там давно. Неделю не открывается. Нет там никого, – возразил Петр.

– Пойдем посмотрим, может, есть кто. – Глеб не мог вернуться к матери ни с чем.

Дорога до института, в обычное время потребовавшая бы

минут десять, в пургу отняла все полчаса. Дошли уже совсем окоченевшие.

Глеб шел вокруг здания, Петр за ним. Глеб добрался до парадных ступенек. Они были скользкие, заледеневшие, вокруг – темнота. Фонари, естественно, не работали. Глеб скользил, падал, поднимался, вновь карабкался вверх. Петр попытался идти за ним, но, упав несколько раз, остановился.

Прошла минута или две... Петру показалось – вечность. Вдруг он услышал отчаянный истошный крик.

– Глеб! Глеб! Ты где? – Петр рванул наверх, удивляясь невесть откуда взявшимся силам.

Заскользив по ступенькам, он попытался подсветить зажигалкой, но она выпала из рук. Петр чертыхнулся. Наконец, увидев что-то темное впереди, побежал туда. У парадного входа в НИИ сидели два человека. Рядом с окоченевшим телом отца, бывшего главного инженера НИИ приборостроения, обнимая его, сидел Глеб.

– «Скорую» вызови, – пробормотал он Петру.

– Глеб, не слышу, что? – Петр наклонился поближе, дыхание Глеба было настолько горячим, что очки Петра сразу запотели, он перестал видеть.

– «Скорую»... «СКОРУЮ»! – заорал Глеб, перекрывая завывания ветра.

Через неделю, рано утром 9-го, поминального дня, на пока еще пустынном кладбище Глеб стоял перед свежей могилой отца:

– Пап, ну как же ты так. Ты ж всегда таким сильным был. Я гордился тобой. Пап! Ну зачем ты...

Глеб зарыдал. Он был один – мог позволить себе не сдерживать эмоции.

– Пап... и что мне теперь делать-то... Как теперь без тебя... Мама болеет... Денег нет... Пап... Я боюсь... Я не справлюсь...

Глеб взял пригоршню снега и вытер лицо. Потом бросил снег на фотографию отца.

– Ты всегда жил как хотел! Науку свою двигал, ученый деятель! А мы с мамой были тебе по барабану! Ты только для себя жил и для науки своей гребаной, и что она тебе дала?! Ненавижу! Ненавижу тебя! Как я теперь один! Я не хочу к Зурабу! Не хочу! Мне страшно, отец!

Глеб упал на колени, застыл на минуту. Потом поднялся, отряхнул колени. Слез уже не было.

– Пап, прости меня. Я справлюсь. Я к Зурабу пойду, я решил. Маму не оставляю. – Глеб пальцами погладил фотографию отца. – Папочка, прости, что не уберег тебя. Я люблю тебя. Ты, если видишь меня сверху, замолви там словечко. Помоги мне, пап. Не на кого мне больше надеяться...

Зураб осмотрел выстроившихся в полукруг членов своей банды. Взгляд остановился на самом щупленьком «братке», больше похожем на недоростка-старшеклассника, чем на серьезного бандита. «Железо» он не тягал, не курил, не пил.

Но зато информацию добывал не хуже ФСБ. Сначала у него была кликуха «обмылок», но как-то раз Зураб назвал его Энштенем, без двух «й», и с тех пор так и повелось – «Энштен», причем с ударением на «Э».

Энштен по долгому взгляду понял, что от него ждут информацию. Она была, но не больно-то приятная. А Зураб не любил плохие новости.

– Фейерверки платить отказались.

– Да ну? – нарочито удивленно отозвался Зураб.

– Но прикол в том, что они мусорами пригрозили.

Толпа засмеялась. Причем искренне, даже как будто по-детски. Ну надо же, такую глупость сморозить! Ментам платить – в их городе?! Их ментам!

Зураб только криво ухмыльнулся. Но глаза... глаза совсем не сулили ничего хорошего.

– Глеб, – Зураб посмотрел на стоявшего с самого края новичка, – ты разберешься.

Утром родители Ольги упаковывали чемоданы в просторный багажник вазовской «четверки». Ольга наблюдала за ними из окна квартиры. Она не хотела уезжать – слишком внезапно, слишком скоро. Да и Петю оставлять... Но отец был настойчив: им нужно срочно переехать, в городе зверствуют бандиты, бизнес надо спасти, да и свои жизни тоже. Внезапно раздался звонок. Ольга бросилась к телефону. Через секунду она уже стояла на балконе и кричала отцу:

– Папа, склады горят!

Отец не слышал. Он уже сидел в машине, прогревал двигатель. Ольга бросилась вниз.

Склады с продукцией горели уже минут двадцать. Загорелись упаковочные коробки. Пламя лизало картон, который мгновенно скукоживался и растворялся в огне. Огонь подбирался к палетам, где лежали китайские салюты. Еще несколько минут – и рванет! Двое рабочих сустились у телефона, вызывали пожарные расчеты. Отец Ольги схватил огнетушитель и бросился внутрь помещения. За ним вбежала мать Ольги.

За углом в черном гелендвагене сидел Глеб и наблюдал за пожаром.

Внезапно раздались взрывы. Пламя добралось до палет... Джип Глеба рванул с места...

Через две недели Глеб сидел на скамейке с Петром.

– Глеб, как мама?

– Завтра увожу ее в Москву. Кладу в клинику. Зураб договорился с доктором. Светило какое-то, – ответил Глеб.

– Ты до сих пор с Зурабом? – Петр внимательно посмотрел в лицо Глеба.

– А куда ж я от него? Это теперь навсегда, – усмехнулся Глеб, – кровью общей мазаны.

– Ты о чем? – удивился Петр.

– Да так... Ни о чем. Ольга как?

– Продала квартиру, в Москву уехала, – вздохнул Петр.

– А ты чего?

– А мы после гибели ее родителей только один раз и встретились. Я навещал ее в больнице. – Петр закурил.

– Ты ж не куришь. – Глеб показал на сигарету.

– Она беременна была. Мы никому не говорили. Поженились хотели.

– Как – беременна? – поперхнулся Глеб.

– Вот так. После того как родители погибли на пожаре, она ребенка потеряла. Выкидыш. Врачи сказали, от стресса. – Петр закурил еще одну сигарету.

Глеб ошарашенно смотрел на друга:

– Брат, а теперь что?

– Да ничего. Она никого видеть не хотела, продала квартиру и в Москву уехала. Вот и все.

– И мы уедем, брат, точно уедем, – Глеб обнял Петра, – я теперь тебя никуда не отпущу, ты без меня не сможешь.

– Не смогу... Куда ж я без тебя... Кому нужен-то... – Петр прислонился головой к Глебу.

– И матерей наших перевезем, в институт поступим, работа точно будет, у Зураба связи везде. Он поможет...

Через год Глеб женился на Ольге, убедив себя, что таким способом искупит вину за то страшное морозное утро. Петр не возражал – он не вспоминал бывшую. Ольга сама сделала свой выбор в пользу Глеба. А куда денешься? Ей нужно было

как-то жить, а жить она за год успешной коммерции родителей привыкла хорошо. Глеб мог ей это дать. А Петр – нет.

В том же году Глеб с Петром стали студентами МГУ: Глеб поступил на географический факультет, Петр – на экономический. Освоившись на факультете, перецеловав всех симпатичных и не очень симпатичных однокурсниц, попробовав себя в географической экспедиции – одной ему хватило, чтобы понять, что этой романтики мокрых палаток и песен под гитару у костра ему вовсе не надо, – Глеб взял академ и приехал обратно в родной городок. Перед отъездом тихо, без скандала развелся с Ольгой, а затем вместе с Зурабом, который к тому времени стал теневым хозяином города, Глеб расширил масштаб своих амбиций: он приватизировал несколько убыточных предприятий области, подобрал для империи Зураба все, что валялось на земле бесхозным или лежало на боку. А этого добра было предостаточно. Теперь были нужны бизнес-мозги. Глеб умел захватывать, но не управлять. Получив добро от Зураба, Глеб отправился в Москву, где нищенствовал студент Петя, предъявил ему «котлету» долларов – аргумент серьезный, особенно на голодный желудок, и забрал друга в родной город. Вместе с Зурабом, у которого оказались недюжинные амбиции и крышующие чиновники высокого ранга, Глеб, как Петр I, открывал окна в регионы России, где десятками простаивали, превращаясь в декорации для фильмов ужасов, некогда градообразующие предприятия. Петр всегда был рядом. Глеб показывал пальцем

точку на карте страны, Петр что-то считал, Зураб договаривался... К окончанию пятого курса университета, где Глеб и Петр продолжали не только числиться, но и успешно «сдавать» сессию за сессией за копеечные, по их меркам, суммы – профессора, правда, считали совсем иначе, – друзья стали вполне успешными молодыми предпринимателями.

Зураб умер. Ожидаемо неестественной смертью. Бандитская разборка, пулевое ранение. Глеб привез из Москвы лучших хирургов. За жизнь Зураба боролись трое суток – и не зря. Утром на четвертый день Зураб пришел в сознание и сразу стал выяснять: как да что, кто помогал, кто сдрейфил и ушел в тину. Выяснилось, что именно Глеб возглавил борьбу за жизнь Зураба, он же контролировал бизнесы и весьма жестко объяснил всем испугавшимся, что их ждет в случае предательства. Но более всего Зураба повеселило, что заказчика покушения нашли на городской свалке, с перерезанным горлом и членом во рту. А исполнитель, стрелявший в Зураба, обнаружился на пороге отделения полиции, и тоже с членом во рту. Причем, как установили эксперты-криминалисты, во рту заказчика находилась половая гордость исполнителя, а у того – заказчика. Зураб по достоинству оценил это остроумное решение. И хотя ему было трудно смеяться, он, хрипя и кривясь от боли, издавал свистящие хлопанья минут пять.

Затем потребовал нотариуса и переписал на Глеба все

свои активы. В одночасье 21-летний Глеб Георгиевич Игнатов стал одним из первых подпольных российских миллионеров.

Так началась славная эпоха компании «Бегемот». Название Глеб взял из своей любимой книги «Мастер и Маргарита». Он всегда восхищался вершителем судеб Воландом. Но замахиваться на величину такого масштаба в названии собственной компании не рискнул – остановил выбор на обаятельном хулигане и затейнике, коте Бегемоте.

Зураб же из больницы не вышел. Совсем было все хорошо, московские врачи давно уехали, но дура медсестра ввела идущему на поправку пациенту что-то не то. Не то настолько, что у Зураба остановилось сердце.

Шум поднимать никому не хотелось. Глеб настойчиво и убедительно предложил прокурору дело замять, что тот с радостью и сделал. Потом служителю Фемиды об этом незначительном эпизоде напоминало шикарное охотничье ружье, подарок нового хозяина города.

Допустившая досадную оплошность медсестра, которой давно уже пора было на пенсию, наконец перебралась из коммуналки в аварийном доме, построенном еще в XIX веке каким-то промышленником для рабочих его фабрики, в чистенькую однушку хрущевской застройки. И каждое 15 мая, в праздник святого мученика Глеба, не скупилась на самую толстую свечку за здоровье своего благодетеля Глеба Георгиевича.

Лето 2017 года. Москва

Елена ушла. Петр еще некоторое время смотрел на закрытую дверь. Поймал себя на том, что глупо улыбается. Душа пела. Банально, подумал он, но ощущение было именно такое.

Он вышел на балкон, расправил плечи, вдохнул полной грудью. Посмотрел на город. Деревья стояли зеленые и свежие, ароматно пахли липы. Петр опять улыбнулся: этот запах напомнил ему вкус чая из далекого детства. Он смотрел на пока еще тихий просыпающийся город, сверкающую темной водой Москва-реку, которая отражала золотой и робкий ранний солнечный свет. Рядом возвышался величественный храм Христа Спасителя. Голубое небо без единого облачка. Утреннее щебетание птиц. Петр улыбался и небу, и городу, и рассветному солнцу. «Как дурак, чесслово», – опять подумал он, но с балкона не ушел. Петр давно не позволял себе бесцельно тратить время, но сегодняшнее утро было особенным. Петр вспоминал, как вчерашним вечером на этот балкон вышла Елена, а он подошел сзади, обнял ее, потом приподнял волосы, нежно провел пальцем по ее шее. Она потерлась подбородком о его предплечье, откинулась спиной на грудь и затихла в его объятиях. Петр обомлел, потом развернул ее к себе и начал целовать...

Ночью он поразился, насколько искренне и жадно Еле-

на отдавалась страсти. Она требовательно и в то же время очень нежно проявляла себя как женщина, раскрывалась будто нераспустившийся тюльпан, принесенный в теплый дом. Елена обволакивала его своим женским естеством, он тонул в ее шепоте и столах, сливался с ее телом, будто первый или последний раз в жизни... Они заснули только под утро.

Петр с сожалением выдернул себя из воспоминаний о вечере и ночи, вернулся в спальню. Кровать была смята. Он присел на краешек, провел рукой по подушке. Она еще хранила запах Елены: немного ландыша, ванили и еще чего-то очень женского, тонкого, что будоражило воспоминания Петра. «Скажу сегодня домработнице, чтоб кровать не застилала. Нет, пусть вообще не приходит, не хочу видеть никого из женщин, кроме Лены», – подумал Петр. Он взял телефон, набрал:

– Тамара Петровна, доброе утро. У вас сегодня выходной. Оплачиваемый. Да, завтра по графику. – Петр привык давать четкие указания тем, кто на него работал.

Петр положил телефон и тут же взял его опять. Экран ярко высветил: «Елена Осипова».

– Алло? – Голос Елены был немного удивленным.

– Леночка... – Петр не знал, что сказать, и чувствовал себя немного неловко.

– Я что-то забыла у тебя?

– Нет, но взяла мое. – Петр сидел на кровати, гладил рукой

шелковую простыню и снова улыбался.

– Я... может, случайно?

– Ну, не знаю. Ты взяла мое сердце. Звучит очень банально, но... но я правда так чувствую. А еще ты забыла пообещать, что сегодня вечером мы снова встретимся.

Елена засмеялась:

– Я попробую, но точно пока сказать не могу. Обещала помочь мужу отредактировать материал для журнала.

Упоминание о законном мужчине отрезвило Петра. Он помолчал, потом произнес:

– Постарайся, пожалуйста, я буду очень рад тебя видеть.

– На работе увидимся, – голос Елены журчал в трубке, – не опоздай, пожалуйста, через два часа совет директоров, я там докладываю, мне важно узнать твое мнение первым.

– Да-да, я уже выезжаю, – зачем-то соврал Петр. – И очень надеюсь продолжить обсуждение вне офисных стен.

– Мне было очень хорошо, – с какой-то грустинкой в голосе произнесла Елена и завершила звонок.

Вечером этого же дня Петр и Елена сидели в маленьком ресторанчике. На столе стояла бутылка новозеландского «Совиньон блан» и сборная солянка из морских гадов, на которых ни он, ни она не обращали никакого внимания. Сделав заказ тысяч на пятьдесят, разговаривали о книгах. Беспроектная тема. Всегда и везде. Петр, казалось, оседлал любимого конька.

– Я недавно начал обустраивать библиотеку. Ты вчера видела. Собрал все книги со старой квартиры, с дачи, со второй дачи, где живет моя мама, и обнаружил давно пропавшую Сунь-цзы «Искусство войны». В молодости я зачитывался ею. И вот что я заметил, перелистывая зачитанные до дыр страницы... Смотри, как красиво излагаю. – Петру была свойственна самоирония. И Елене это нравилось. – Оказывается, любовь и война – очень близкие темы. Они практически всегда идут рука об руку, пересекаясь. – Петр явно умничал, но это доставляло ему удовольствие.

– Прекрасная Елена, из-за которой пала Троя? – Молодую женщину не очень интересовало искусство войны, а про искусство любви она, хотя и была замужем, до прошлой ночи знала немного.

– И не только это. Любовь – это борьба за энергию. В битвах же побеждает тот, у кого энергии, а следовательно, и любви больше. По Сунь-цзы, наибольшего успеха добьется тот воин, который войдет в ритм чередования мужских и женских энергий. Сила мужчины зависит от любви и силы женщины, которая всегда своей эмоцией – а значит, своей энергией – подпитывает воина. Недаром в старину, захватывая город, прежде всего убивали жену князя, лишая его поддержки, любви и энергии. И тогда исход битвы был предрешен. – Глаза Петра горели. Он вовсе не был уверен в правильности своего утверждения. Но звучало уместно и красиво. Значит – сгодится.

Лена слушала со спокойным вниманием. За окнами ресторана город как-то по-особенному торжественно и ярко светился в лучах закатного солнца. Веселая трескотня ласточек разбавляла негромкий шум редко проезжающих автомобилей. Пятница, вечер. Дачный сезон. В такие безлюдные московские вечера время похоже на детскую жвачку: пахнет ванилью, корицей и шоколадом, а тянется бесконечно долго и однообразно. Этот вечер был одним из тех, которые так напоминают усталую улыбку засыпающего города.

Петр чувствовал себя с Леной легко и спокойно. Такое было второй раз в жизни. Первый раз – давно, еще до студенчества. С Ольгой... Да что вспоминать... Что было, то прошло. Петр уже давно старался не думать про Ольгу, забыть, вычеркнуть из памяти. Старая, но все еще ноющая рана. Даже когда Глеб сообщил ему, что разводится с Ольгой, Петр отреагировал холодно, почти беспристрастно, будто речь шла не о его первой любви, а о чужой женщине. Ольга и стала для него чужой сразу, как бросила его, променяв на Глеба.

С Еленой все было по-другому. Петр долго ее не замечал. Да и что могло быть общего у вице-президента крупнейшего холдинга «Бегемот» Петра Сергеевича Ивановского и аспирантки журфака Елены Осиповой?

Петр обратил внимание на Елену только спустя два года после того, как та начала работать в «Бегемоте». Елена тогда была простым менеджером PR-отдела, работала под началом

директора по маркетингу Ирины Валерьевны Савиной. Начальница была наглой, чувствовала себя хозяйкой в офисе, иногда брала на себя смелость указывать сотрудникам других департаментов на их ошибки и промахи вместо самого главного начальства. Последствия однодневного мужского внимания председателя совета директоров Глеба Игнатова к ее прелестям. Которые, кстати, Петр прелестями не считал: Ирина ему не нравилась ни как женщина, ни как человек. Но свое мнение он другу не высказывал. Незачем. Неинтересно. И главное, бизнеса не касалось.

Елена пришла в «Бегемот» сразу после окончания университета. Она готовилась к поступлению в аспирантуру, только-только вышла замуж, производила впечатление вполне довольной жизнью молодой женщины, чем крайне раздражала Ирину Валерьевну. Но Елена с первого дня работы показала свою креативную жилку и недюжинную смекалку, а потому Ирина была вынуждена смириться с появлением новенькой в ее отделе. Впрочем, Елене доставались от начальницы сложные и неблагоприятные проекты, с которыми она справлялась, «выруливая» в самых запутанных ситуациях. Так она проработала почти два года. Повышения зарплаты не просила, свою значимость не прокачивала, хотя Ирина чувствовала, что эта девочка гораздо умнее и талантливее, чем ей позволено проявляться.

Петр обратил внимание на Елену, когда та вместо заболевшей Ирины Валерьевны докладывала на совете директо-

ров о маркетинговой стратегии компании на предстоящий год. Петр удивился, насколько доклад Елены был более живым и полным новых идей, в отличие от прочтения сухих цифр в рапортах Ирины. Петр стал присматриваться к Елене. Она будто не замечала его взглядов, была всегда отстраненно-сосредоточенной. Обручальное кольцо на пальце тоже не прибавляло мотивации. Петр никогда не позволял себе заходить на чужую территорию. В его распоряжении всегда было достаточное количество свободных женщин, которые интересовали его гораздо меньше, чем Глеба.

С Еленой после ее выступления на совете директоров все пошло как-то не так. Петру нравилось в ней все: от локона, кокетливо заправленного за маленькое ушко, до столь несвойственного женщинам аналитического склада мышления, который Елена ярко демонстрировала в отсутствие Ирины Валерьевны. Петр ловил себя на том, что все чаще и чаще думает об этой женщине...

Ситуация кардинально поменялась случайно. В корпоративном ресторане сгорел бойлер, повар судорожно дозванивался до ремонтников, обед для сотрудников отменили, Петр вышел из офиса и отправился в соседнее кафе. Приятно удивился запаху свежемолотого кофе, сладкой ванили, пряной корицы и всего того, чем всегда пахло там, где творилась магия горького напитка, молочной пены, где аппетитно стояли в витринах вавилонские башни из макарон, чизкейков и трепетно дрожали панакоты в креманках.

У окна сидела Елена, взволнованно разговаривая с кем-то по телефону. Увидев входящего Петра, кинулась к нему:

– Петр Сергеевич, Ирина Валерьевна опять на больничном, а мне нужно срочно уехать из офиса. Я могу отпроситься у вас? – Она была сильно взволнована.

– Да, конечно. У вас что-то случилось? – участливо спросил Петр. Корпоративная этика и человеческое сочувствие.

– Да, то есть нет... Если можно, я сейчас не буду вам рассказывать. Можно я зайду к вам завтра?

«Да, конечно», – хотел ответить Петр, но Елена уже схватила сумочку и выбежала из кафе, не дожидаясь его слов.

На следующий день, в девять утра, Елена уже была в кабинете Петра. Он поинтересовался: что случилось? Надо ли помочь? Лена попыталась было уклониться от разговора, поблагодарив и сказав, что все обошлось, но хозяин кабинета был настойчив. А может, просто не хотел быстро отпускать эту женщину, так сильно заинтересовавшую его.

– Так что же у вас все-таки случилось?

– У меня муж пьет...

– Почему же вы с ним живете?

– Для этого надо объяснить, почему я вышла замуж.

– Объясните...

– Здесь? Вам? Это долго... да и... зачем вам это.

Петр сам не знал зачем, но зато был уверен: да, ему нужно услышать эту женщину, понять ее, сопереживать ей...

И Елена стала рассказывать ему о своей жизни. Петр не требовал таких подробностей, но неожиданно для себя полностью погрузился в ее историю.

Лена рано повзрослела. Детство она провела в маленьком городке Арзамас-17, что в Горьковской – теперь Нижегородской – области, где жили ее родители, физики-ядерщики, и дедушка – академик, отправленный в бывший Саров в 1947 году. Арзамас-17 был городком закрытым, стратегически важным объектом, а значит, жизнь в нем была подчинена только одному – атомному проекту. Елена с детства привыкла, что в распоряжении семьи были служебная дача и машина, продукты бабушка брала в спецраспределителе товаров, а родители – молодые и задорные ученые – получали зарплату с надбавками в 75 процентов. Лена родилась в конце 80-х и еще успела застать эпоху коммунистического рая в Сарове. Золотой город, золотое время... Любимица всей семьи, Лена росла без конкурентов в лице братьев и сестер. Бабушка одевала ее в розовые воздушные гдээрдовские платица, папа привозил из Москвы тонконогих Барби, а дедушка-академик каждый вечер читал внучке вслух о Томе Сойере, Питере Пэне и даже давал смотреть американские комиксы с диковинными ниндзя.

Все закончилось в один момент. Служебная «Волга» дедушки разбилась на мокрой трассе перед въездом в город как раз накануне 6-летия внучки. Вместе с дедушкой погибли папа и мама Леночки, которые сопровождали почтенного

академика Кузьмина на заседание Совета министров СССР, посвященное развитию атомной энергетики.

На заседание Совмина, конечно, их никто не приглашал, но знаменитая двухсотая секция ГУМа всегда могла порадовать дефицитом людей, имеющих право на этот дефицит. А благодаря статусу академика у семьи такое право было. Грех не воспользоваться. В такие-то времена...

После смерти родителей бабушка пыталась оформить опеку над внучкой, но слабое здоровье и недавний инфаркт не позволили ей это сделать. Лену отправили в детский дом, лучший в Горьком. Бабушка навещала ее каждый месяц и до последнего часа своей жизни надеялась забрать Леночку к себе... Умерла бабушка в канун 17-летия внучки. Лена осталась полной сиротой. Единственное, что поддерживало ее в детдоме, – это книги и старенький учитель литературы, Василий Никанорович. Он был выслан из Ленинграда в Горький в далеком 37-м году, когда репрессировали его родителей. В город на Неве он уже не вернулся никогда. Не простил смерть родителей – представителей простой советской интеллигенции, как обычно оклеветанной кем-то из соседей. Или сослуживцев. Какая теперь разница... Василия Никаноровича, на удивление, уважали и любили все: и строптивые детдомовцы, и хмурые педагоги. Именно он, лукаво глядя из-под очков, учил школьных остолопов любить и ненавидеть, восхищаться и презирать, радоваться и грустить, ценить и любоваться. Лена была его лучшей уче-

ницей. Своих детей и внуков у него не было, и он глубоко и нежно привязался к талантливой и внимательной девочке, частенько называл ее: «Моя внученька».

Лена была спокойной и прилежной детдомовкой. Поэтому директор в виде исключения отпускал ее пару раз в неделю «на волю» – в город. Лена любила эти короткие вылазки. После школы она обожала бродить с Василием Никаноровичем по заснеженным ледяным улицам, а потом – с удовольствием пить ароматный чай на его старенькой кухне. Жил учитель в частном секторе, в доме с резными ставнями и скрипучими половицами. Зато сколько книжных стеллажей у него было! От пола до потолка – раритетные издания Толстого, Чернышевского, Добролюбова, Пушкин в кожаном переплете, неизвестные оды Ломоносова. Тяжелые хрестоматии, древние Библии и молитвословы с «ятами». Все это богатство он привез еще из Ленинграда.

Василий Никанорович быстро привык к суровым детдомовским реалиям, к городу с названием, так отвечавшим его судьбе, – Горький. И к жизни не в городской квартире, а в деревянной развалюхе – тоже привык. Какая разница, где читать? Но семью не создал, всю свою жизнь посвятил ученикам. И они его любили. Даже самые заядлые хулиганы затихали, когда встречались с его пристальным, но ласковым взглядом из-под очков. Видно, чувствовали спокойную тихую силу.

После похорон бабушки Лена пришла к Василию Никаноровичу. Больше не к кому было идти.

Неделю она лежала в забытьи у него на диване. Себе он постелил на кухне, но днями и ночами не отходил от Леночки. Вроде бы и температуры нет, но не встает.

Через неделю Лена подошла к окну. Солнце. Она тихо и кротко улыбнулась:

– Уеду я, Василий Никанорович. Уеду. В Москву. Так бабушка хотела.

– Не надо, девочка, не надо, внученька, – старенький учитель ласково сжал ее холодные пальцы, – Москва – тяжелый город. Съест она тебя, проглотит до последней косточки. Не нужна столице такая чистота. Испортит она тебя!

– Поеду. – Лена была непреклонна. – Бабушка мечтала об этом. А к вам приеду следующим летом. Непременно приеду. И книжки новые привезу. И еще хочу вас попросить... Помогите мне продать квартиру. Я вам доверенность оставлю.

Василий Никанорович устало улыбнулся. Подошел к серванту, открыл его. Достал старинную супницу.

– Подойди сюда, внученька. – Подслеповато щурясь, он порылся в посудине. – Вот, возьми, эти бриллиантовые сережки принадлежали моей маме. Она завещала передать их моей жене или дочке. А у меня сразу внучка! – как-то грустно засмеялся старый учитель. – Вот так, перепрыгнул! Они пригодятся тебе. Отнесешь их в антикварный магазин, долж-

ны дать хорошие деньги. Бриллианты по три карата и изумруды вокруг. Чай, не подделка какая! Вещь-то еще дореволюционная... Бери, бери, что смотришь? – Он лукаво улыбнулся. – И вот еще, денег возьми. Тоже пригодятся тебе. Давно лежат – гробовые. А помру, так пусть педсовет похоронит! Зря я почти 60 лет стулья в школе протираю, что ли?

Василий Никанорович выполнил Леночкину просьбу: квартиру продали быстро и недорого. Учитель перевел деньги на счет своей «внученьки». Пару раз получил от нее эс-эмэски... Она теперь жила бурной жизнью московской студентки. Ей было не до старика, и он понимал это – не обижался. Она поздравила его с Новым годом – уже счастье. А в феврале Василий Никанорович умер.

Хоронили его пышно, траурная церемония проходила в школьном актовом зале, который утопал в цветах. Плакали все: и учителя, и ученики, собравшиеся со всей России, чтобы попрощаться с любимым педагогом. О смерти любимого учителя Лена узнала только спустя полгода. Она не общалась с бывшими одноклассниками, не оставляла свои координаты в канцелярии детдома. Когда узнала, горько рыдала, кляла себя за бесчувственность, бессердечность, легкомыслие... Приехав в родной город на каникулы, она первым делом с вокзала поехала на могилу бабушки. Потом – в квартиру Василия Никаноровича. Ей открыл какой-то наглый парень с дредами и сказал, что бывший хозяин умер, а пока решается вопрос, что делать с квартирой, директор интерната втихую

сдает ее арендаторам. Лена выяснила, где похоронен Василий Никанорович. Она долго стояла перед его холмиком без памятника и думала о том, что могилы – родителей, бабушки, дедушки и учителя – все, что осталось у нее от детства.

В Москве Лена с первого раза поступила на журфак МГУ. Училась она с удовольствием и азартом. Брала дополнительные занятия, участвовала в олимпиадах и студенческих кружках. Продолжала читать, много и с упоением. Раз в неделю ходила в «Ленинку» и конспектировала от руки – прошлый век. Среди одноклассников она была белой вороной. Красавица, умница, всегда общительная и приветливая, но будто не от мира сего. В клубы не ходила, не курила, на молодых студентов не засматривалась. Все попытки ухаживаний быстро, но вежливо пресекала – предпочитала оставлять поклонников во френд-зоне. Тургеневская барышня, по-другому и не скажешь.

На третьем курсе Лена встретила Артура Осипова – 50-летнего некогда очень популярного писателя и драматурга. Последнего лауреата премии Ленинского комсомола, которую он получил в конце 80-х за бестселлер о бывшем афганце, полковнике КГБ. Вместе с премией Артур получил дом в Переделкине, «Волгу» последней модели и массу разномастных поклонниц, которые прыгали к нему в кровать по первому зову. Премию Артур благополучно прокутил за первые два года – а чего беречь деньги, когда всесоюзная слава и весь мир у ног? Все еще впереди! Но Артур ошибался: впе-

реди были лихие 90-е, закрытые типографии и издательства, очереди за продуктами и... забвение... Про Артура забыли. Сначала он ежедневно пытался работать и творить очередные, как он считал, «нетленки», потом стал потихоньку спиваться. Денег не было. Артур взялся писать коммерческую «джинсу» для «желтых» газет и журналов. Бывшие поклонники жалели его, порой пригревали в своих постелях, иногда приглашали на светские мероприятия, где Артур жадно накидывался на халявную еду и выпивку. На одном из таких мероприятий он и познакомился с красивой студенткой Еленой Кузьминой. Она подрабатывала там корреспондентом – делала репортаж для «СПИД-Инфо» – чуть ли не самой популярной газеты того времени. Лена увидела Артура и обомлела. Осипов был ее кумиром, она обожала его слог – жесткий, хлесткий, но в то же время проникновенный и очень мелодичный. Артур заметил, как девушка смотрит на него, приосанился, подошел познакомиться...

Елена сразу поехала с ним. Артуру была приятна столь легкая победа: значит, он еще «ого-го». А ночью он был удивлен и чуточку обескуражен: он оказался у Лены первым... Он и забыл, что бывают чистые и светлые девушки...

По своей старой писательско-донжуановской привычке Артур стал расспрашивать Лену о ее жизни. Он поймал себя на мысли, что ему почему-то интересна эта девушка. Помимо красоты, она была еще умной и тонкой, блестяще знала и понимала литературу – совершенная редкость в гламурные

годы смены тысячелетий. Артур и не заметил, как влюбился. Лене были приятны его объятия. Она совсем не хотела сдаваться ему вот так сразу, в первый вечер. Когда Артур пригласил ее к себе, она не понимала, что все может закончиться сексом. Лена была совсем не искушена в делах любви. В детском доме она избегала темных кладовок, где старшеклассники прижимали девчонок и лезли им под юбки. Да она и не была интересна мальчишкам: никогда не красилась, короткие юбки не носила, волосы кокетливо не завивала, в разговорах ровесниц о парнях участия не принимала – Лене это было неинтересно. А в классической литературе, которую она читала запоем, интимные сцены изображались завуалированно и тонко. Не понять ничего.

Елена опешила, когда Артур обнял ее и попытался поцеловать.

– Не надо, – неуверенно попросила она. Прозвучало как согласие.

– Почему? – Артур настойчиво продолжал.

– Ну не надо. – Елена пыталась отстраниться, стыдливо одергивая юбку, которую Артур попытался приподнять свободной рукой.

Артур остановился.

– Если тебе не хочется, если что-то не так, я могу отправить тебя домой. Я ни на чем не настаиваю. – Артур не понимал, почему Лена так себя ведет. Обычно девушки ему не отказывали. Даже в его пятьдесят.

– Да не в этом дело. – Лена покраснела.

– А в чем? Я тебе не нравлюсь?

– Нет-нет. Очень... – Лена замялась. Не в ее правилах было откровенничать с мужчиной и говорить о том, что она совсем не искусна в любви.

– Тогда иди ко мне. – Артур протянул руки. «Пусть будет он, а не какой-то мальчишка в подворотне», – подумала Лена и сама поцеловала его...

На следующее утро она с удивлением рассматривала спящего Артура. Лена совсем не так представляла себе свой первый секс. В девичьих грезах она мечтала об акте восторженной любви, поцелуях, нежных словах и неторопливых ласках. Дальше ласок в мыслях не заходила.

Артур же не любил прелюдий, обладал женщинами без особых изысков, женское тело представляло для него скорее физиологический интерес – в женские души он не заглядывал. Просто выдумывал их, когда писал. Может быть, поэтому в его творениях женские персонажи всегда были чисто функциональными элементами, нужными для выстраивания сюжета. Иногда заглядывал в мозги, если у его любовниц они имелись, но это случалось редко. Мысль о том, что он не тех выбирает, его коробила, и Артур ее от себя гнал. Он никогда не раздевал женщин, они раздевались сами, и не под слова любви, а под будничные разговоры. Послевкусие Артур не ценил, вскакивал с постели быстро, нежности, милые любовные ласки не признавал: зачем на это тратить время, ведь

главное уже случилось?

Артур считал себя превосходным любовником, впрочем, как и каждый мужчина на земле. Надо отдать должное, сексуальной техникой он владел неплохо, но настоящего вкуса женщин не чувствовал. Их желания его не интересовали. Как алкоголику все равно, с кем пить, ему было все равно, с кем спать.

Однако с Леной было по-другому. Она будоражила его воображение своей неискушенностью, наивностью, какой-то провинциальной неиспорченностью. Она не строила из себя Татьяну Ларину, а как будто была ею, и это казалось очень нетривиальным. Ему было приятно лепить из нее Галатею. Лена была умна и начитанна: Артур с удивлением поймал себя на мысли, что эта девушка интересна ему как собеседница. А Лене льстило внимание именитого ухажера. Она была ему благодарна за каждую мелочь, за любое проявление внимания: небольшой букет цветов, изящное колечко.

Впервые в жизни Артур старался в постели. Он хотел поразить Лену техникой сексуального мастерства, но ей нужно было совсем не это. Она хотела мурлыкать кошкой у него на груди, однако каждый раз после акта любви Артур шел в душ, возвращался в постель и засыпал. Лена сначала удивлялась этому: в ее книжках любовь была описана совсем по-другому. Но потом привыкла. Тепло, интересно, тихо. Наверное, это и есть настоящая жизнь.

Артур же старался для Лены как мог. Он выводил ее на

прогулки в музеи, через своих прошлых любовниц доставал билеты на премьеры, иногда занимал у тех же барышень деньги, чтоб поужинать с Леной в ресторане. Ресторанов Лена стеснялась, ей не в чем было туда выходить. Артур это видел, снова занимал деньги, водил Лену в бюджетные сетевые магазины и очень гордился купленным недорогим платьем. Артур и не заметил, как влюбился в свою Галатею по-настоящему.

Поженились они через полгода. Теперь дом в Переделкине стал ее зоной ответственности. Она так давно мечтала о своем жилье – и когда была в детском доме, и потом, в студенческой общаге, – что семейные заботы поглотили ее целиком и полностью. Елена захлопотала – купила новые занавески и скатерть, расставила полевые цветы по вазам. Хозяйка! Артур любовался молодой женой, помогал ей писать рефераты, освоил новые компьютерные программы: у Лены на носу была защита диплома, и Артур хотел, чтоб ее проект по его произведениям произвел фурор на кафедре.

Лена давала ему силы и вдохновение. Одно беспокоило: Артур понимал, что рано или поздно жена заговорит о ребенке. А он к детям не был готов. Такой разговор возник. Какой из него отец? Возраст, отсутствие денег... Вот когда он снова будет на волне, когда вновь взойдет на пьедестал – тогда они и подумают про ребеночка. Лена выслушала его, вздохнула и согласилась. Она пока не горела мыслями о детях. Ну какие дети в двадцать лет? Молодость, муж, работа,

да и в аспирантуру приглашают...

Полгода после свадьбы Артур не притрагивался к алкоголю. Работал с удовольствием, азартом. Елена будто питала своей любовью его творческую искру. Артур начал заниматься сценаристикой. Золотое дно, если найти своего продюсера. Елена подсказывала сюжетные ходы. Ей нравилось смотреть, как муж работает. Ее умиляло, как забавно он сдвигает брови, когда задумывается.

– Хмур-морщинкин ты мой, – ласково целовала она Артура в переносицу. Тот млел, размякая от нежности.

– Сейчас, сейчас, я чую большие деньги! Если канал примет что-то из моих заявок, я подпишу договор на полный сценарий, и мы с тобой ох как заживем! Припеваючи! – Артур надеялся на свой талант, когда-то громкое имя и благосклонность продюсера, с которым познакомился недавно и который был явно заинтересован в его «продвижении». Елена держала кулачки за успех мужа.

Однажды, спустя несколько месяцев, Лена как-то вошла домой, позвала Артура, он не откликнулся. Осенние ботинки мужа были раскиданы в прихожей, теплое пальто валялось на полу. Артур явно был дома, но не отзывался. Елена громко позвала еще раз. Ответа не было. Не раздеваясь, Елена взбежала по лестнице на второй этаж, распахнула дверь спальни. Дверь недовольно скрипнула, скорее, даже взвизгнула. Елена увидела мужа спящего одетым на кровати. Она подбежала, стала трясти его, испугалась, что ему плохо. Ар-

тур не просыпался. Лена почувствовала стоящий в комнате резкий, мерзкий запах перегара. Ее муж был пьян в стельку.

Наутро Елена взяла на работе отгул: она не могла оставить мужа в таком состоянии. Артур очнулся в 10 часов, тяжело открыл глаза, сел на кровати.

– Что произошло? Я тебя таким никогда не видела. – Елена пыталась заглянуть ему в лицо. Но это было чужое лицо, опухшее и тупое.

– Ничего не произошло. Понимаешь? Ничего! Мои заявки не приняли, сказали, что они не в формате! Я написал их десяток! Слышишь? Десяток! – Артур сорвался на крик, насколько это было можно сделать осипшим голосом.

– Ну ничего страшного, милый, ничего страшного, ты напишешь еще, примут. – Елена как могла пыталась успокоить мужа.

– Ничего я не напишу, ты что, не понимаешь? Я разучился писать! – Артур попытался встать с кровати, его шатало, плюхнулся обратно. – Ленка, сгоняй за пивком. Голова сейчас отвалится.

– Куда сгонять? – Елена обомлела. Она никогда раньше не слышала таких слов от Артура. В книгах читала, а вот так, наяву, не слышала. Звучало совсем по-другому.

– Эх, ты, молодая еще, не понимаешь, что мужику надо. Ладно, я сам. – Артур махнул рукой, наконец встал с кровати и стал тяжело спускаться по лестнице, держась за перила. Елена побежала за ним.

– Я никуда тебя не пущу! – попыталась она схватить Артура за руку, но тот грубо оттолкнул жену.

Елена села на лестнице и заплакала. Артур хлопнул дверью.

Лена нашла мужа под утро в местном баре. Он храпел, уронив голову на руки. Молодой бармен за стойкой сочувственно рассказал, что Артур – завсегдатай всех местных питейных заведений. Ему наливают «по бартеру»: он придумывает слоганы и рекламные тексты местных баров, а когда в этом нет нужды, травит анекдоты, развлекая публику. Такой питейный стендап. Его не было полгода. И вот он вернулся.

– С тех пор мой муж пьет, как говорится, не просыхая. – Голос Елены был бесстрастен. – Чего я только не делала, куда не обращалась... Доктора, гипнологи. Даже алтайские шаманы. Бесполезно.

– Почему вы не разведетесь? – Петр не узнал свой голос, настолько глухо он звучал.

– Не могу. Он пропадет без меня. Он любит меня. По-своему. – Елена опустила глаза.

– Вы молоды и очень красивы, – Петр увидел, как щеки Елены зарделись, – к тому же очень умны и можете стать хорошим профессионалом. А муж тянет вас вниз. Зачем вам это надо?

– Без меня он пропадет, – как заведенная твердила Елена. Петр помолчал. Потом выдавил из себя:

– Елена! Это не в моих правилах, но ваша история очень

тронула меня. Я давно так искренне не общался с людьми. Приходите ко мне на ужин. – Петр поразился тому, как неожиданно и легко он это произнес. И сам испугавшись того, что говорит, добавил: – Домой.

– Приду, спасибо, – неожиданно быстро согласилась Елена.

– Ну и отлично. Завтра, в 19 часов. Я пришлю за вами машину. – Петр почувствовал, что смущается, и надел на себя маску беспристрастного вице-президента корпорации «Бегемот». – Спасибо за откровенный разговор. Мне приятно ваше доверие.

Петр и Елена начали встречаться. Сначала Елена испытывала чувство вины по отношению к Артуру – муж все-таки и ничего плохого ей не сделал. А то, что пьет... Так это просто мужская слабость, с кем не бывает, утешала себя Елена. С Петром ей было интересно. Как когда-то вначале с Артуром...

Через некоторое время Артур почувствовал изменения в Елене. Он не унижал себя расспросами о ее поздних приходах, прохладе в тоне, но пить стал меньше, а через месяц после лечения в очередной клинике и вовсе перестал. Елена удивилась и обрадовалась.

Она попросила Петра сделать паузу в отношениях, хотела попробовать наладить семейную жизнь. Петр не возражал. Понимал, что от его ответа ничего не зависит: в этом вопро-

се все решает женщина. Да и его самого стал тяготить столь интенсивный график встреч с Еленой, которая, казалось, то ли наверстывала упущенное, то ли просто мстила Артуру за то, что он пьет. Но теперь-то муж был в завязке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.